

*Посвящается моим дочерям,
Гензибе и Дженнифер,
которые тоже умеют прыгать через лужи*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — история моего детства. На ее страницах я описал людей, места и события, сделавшие меня тем, кто я есть.

Но я хотел не просто законспектировать опыт маленького мальчика, преодолевающего проблемы на костылях. Я также хотел дать представление об ушедшей эпохе. Описанные здесь люди были сформированы той эпохой, и их время тоже проходит. Влияния, сделавшие их самодостаточными, прямолинейными и полными сострадания, уступили место влияниям, которые могут формировать характеры не хуже, но изменились лекала и результат совсем иной.

Чтобы представить картину жизни той эпохи, я вышел за пределы фактов в поисках истины. Иногда я менял сцены, обобщал персонажей, когда это было необходимо, менял последовательность событий, чтобы сохранить целостность текста, и вводил диалог, который тем, кто пережил со мной те лошадиные дни, может показаться странным.

Я прошу за это прощения. Фактов не всегда достаточно для подобной книги, и правду, на которую она стремится пролить свет, можно обнаружить лишь с помощью воображения.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ожидании повитухи, которая должна была помочь мне появиться на свет, моя мать лежала в маленькой комнатке на парадной половине нашего обширного деревянной доской дома и смотрела в окно, за которым виднелись качавшиеся на ветру эвкалипты, зеленый холм и тени облаков, круживших над пастбищами.

— У нас будет сын, — сказала она моему отцу. — Сегодня мужской день.

Наклонившись, отец глянул в окно, где за расчищенными пастбищами высилась темно-зеленая стена леса.

— Я сделаю из него бегуна и наездника, — решительно заявил он. — Клянусь Богом, сделаю!

Когда наконец появилась повитуха, он улыбнулся ей и сказал:

— Знаете, миссис Торренс, я уж думал, мальчуган тут всюю бегать будет, прежде чем вы до нас доберетесь.

— Да, я собиралась приехать еще с полчаса назад, — резким тоном ответила миссис Торренс. Это была грузная женщина с пухлыми смуглыми щеками и решительной манерой поведения. — Но когда настало время запрягать лошадь, Тед все еще смазывал бричку. — Она перевела взгляд на мою мать. —

Ну, как вы себя чувствуете, милочка? Схватки уже начались?

«И пока она со мной говорила, — рассказывала мне потом мать, — я вдыхала аромат сделанной из акации рукоятки хлыста, висевшего в изножье кровати, — это был хлыст твоего отца, — и представляла, как ты мчишься галопом и размахиваешь им над головой, совсем как твой отец».

В ожидании моего появления на свет отец сидел на кухне с моими сестрами, Мэри и Джейн. Сестры мечтали иметь братика, которого они будут водить в школу, и отец обещал им братика по имени Алан.

Миссис Торренс вынесла меня, завернутого в красную фланелевую пеленку, чтобы показать им, и положила отца на руки.

— Странные я тогда испытал чувства, — рассказывал он. — У меня сын... Я хотел, чтобы ты многому научился — ездить верхом, хорошо управляться с лошадьми... ну и все такое. И бегать, конечно, тоже... Говорили, что ноги у тебя крепкие. Вот о чем я тогда думал. Так странно было держать тебя на руках. Я все гадал, будешь ли ты похож на меня.

Вскоре после того как я пошел в школу, я заболел детским параличом. Эпидемия, в девятисотые годы вспыхнувшая в Виктории, из более плотно населенных областей добралась и до глубинки, поражая детей на отдаленных фермах и в поселениях в буше*. В Туралле я был ее единственной жертвой, и люди

* Буш — обширные малонаселенные земли в Австралии, поросшие кустарником или низкорослыми деревьями.

на много миль вокруг, услышав о моей болезни, приходили в ужас. Слово «паралич» в их сознании почему-то было связано с идиотизмом, и нередко кто-нибудь, остановив двуколку посреди дороги и перегнувшись через колесо, чтобы перекинуться парой слов со знакомым, спрашивал: «А умом-то он не повредился, не знаешь?»

На протяжении нескольких недель соседи старались поскорее проскочить мимо нашего дома, украдкой бросая при этом беспокойные, исполненные затаенного любопытства взгляды на старый деревянный забор, на необъезженных жеребчиков в загоне и мой трехколесный велосипед, валявшийся возле сарая. Теперь они раньше загоняли детей в дом с улицы, теплее кутали их и с тревогой присматривались к ним, стоило тем разок кашлянуть или чихнуть.

— Это обрушивается на тебя, словно кара Божья, — говорил мистер Картер, пекарь, искренне веривший, что так и есть на самом деле. Он был директором воскресной школы и однажды во время еженедельных объявлений, строго глядя на учеников, заявил:

— В следующее воскресенье во время службы преподобный Уолтер Робертсон, бакалавр искусств, будет молиться о скорейшем выздоровлении этого храброго мальчика, пораженного ужасной болезнью. Присутствие всех обязательно.

Прознав об этих его словах, отец подошел как-то на улице к мистеру Картеру и, нервно теребя свои рыжеватые усы, принялся объяснять, как я умудрился подхватить такую болезнь.

— Говорят, микроб просто вдыхаешь, — сказал он. — Он просто носится в воздухе — повсюду. И никогда не знаешь, где он. Наверное, он пролетал мимо носа Алана, когда тот делал вдох, и все, конец. Упал как подкошенный. Если бы в то время, когда микроб пролетал мимо, мой сын выдыхал, то ничего бы и не случилось. — Отец помолчал и грустно добавил: — А вы теперь за него молитесь.

— Спина создана для ноши, — с набожным видом изрек пекарь.

Будучи старейшиной церкви, он видел в этом несчастье длань Господню. А вот в большинстве вещей, которые доставляли людям радость, он подозревал проделки дьявола.

— Такова воля Божья, — с некоторой долей удовлетворения добавил он, будучи уверен, что подобное замечание понравится Всевышнему. Он всегда старался снискать расположение Господа.

Отец презрительно фыркнул в ответ на это философское замечание и раздраженно ответил:

— Спина этого мальчика не создана для ноши, и, позвольте заметить, не будет никакой ноши. Если где она и есть, то вот тут. — И он постучал загорелым пальцем себе по голове.

Позже, стоя возле моей кровати, он с беспокойством спросил:

— Алан, у тебя болят ноги?

— Нет, — сказал я. — Они как мертвые.

— Вот черт! — вскричал он, и лицо его исказилось мучительной гримасой.

Отец был худошавый, с кривыми ногами и узкими бедрами, — следствие многолетнего пребывания

в седле, ведь он был объездчиком лошадей и приехал в Викторию из глуши Квинсленда.

— Все ради детей, — нередко повторял он. — Там, в глуши, школ-то нету. Честное слово, я сделал это ради детей, а иначе никогда бы оттуда не уехал.

У него было лицо типичного жителя австралийской глубинки, загорелое и обветренное; пронзительные голубые глаза поблескивали из сетки морщин, порожденных ослепительным солнцем солончаковых равнин.

Один его приятель, гуртовщик, как-то приехал проведать отца и, увидев, как тот идет по двору ему навстречу, воскликнул:

— Черт подери, Билл, да ты до сих пор вышаги-ваешь, как проклятый страус эму!

Походка отца была легкой и семенящей, и он всегда смотрел под ноги. Эту свою привычку он объяснял тем, что долгое время жил в «змеином краю».

Порой, немного выпив, он выезжал во двор на каком-нибудь не до конца объезженном норовистом жеребце, который под ним ходуном ходил, задевая кормушки, оглобли и старые поломанные колеса, разгоняя перепуганную домашнюю птицу, и во всю глотку вопил:

— Дикий скот без клейма! Пропади все пропадом! Эй, берегись!

Затем он осаживал коня и, резко сорвав с головы широкополую шляпу, размахивал ею, будто в ответ на аплодисменты, и отвешивал поклон в сторону двери в кухню, где обычно стояла мать, наблюдая за ним с едва заметной улыбкой — слегка насмешливой, любящей и немного тревожной.

Отец любил лошадей не потому, что этим зарабатывал на жизнь, а потому, что видел в них красоту. Ему доставляло удовольствие рассматривать хорошо сложенную лошадь. Он медленно обходил вокруг нее и, слегка наклонив голову, пристально разглядывал ее, проводя руками по передним ногам в поисках припухлостей или шрамов, говоривших о том, что ей приходилось падать.

— Лошадка должна быть с хорошими, крепкими костями, — говаривал он, — рослая и с длинным корпусом.

Он считал, что лошади во многом похожи на людей.

— Уж поверь мне, — говорил он. — Сколько раз я такое видел! К иным лошадям только хлыстом притронешься, как они сразу давай дуться. Совсем как дети... Дашь какому-нибудь проказнику затрещину, так он потом долго с тобой разговаривать не будет. Затаит обиду. Забыть не может, понимаешь? Вот и лошади, черт подери, такие же! Ударь такую кнутом, потом с ней хлопот не оберешься. Погляди на гнедую кобылу старика Коротышки Дика. Она тугоуздая. Но мне-то удалось с ней справиться. Вот видишь... Каков Коротышка, такова и лошадь. Кто пытался его обуздать, только себе навредил. Кстати, он мне до сих пор за ту работенку фунт должен. Ну да ладно... Что с него взять, ни гроша за душой.

Мой дед, рыжеволосый пастух из Йоркшира, прибыл в Австралию в начале сороковых годов прошлого века. Он женился на ирландской девушке, которая приехала в новую колонию в том же году. Говорят, дед вышел на пристань, когда причалил

корабль с ирландскими девчонками, намеревавшимися устроиться в колонии прислужгой.

— Кто из вас прямо сейчас пойдет за меня замуж? — крикнул он девушкам, толпившимся у поручней. — Кто готов попытаться со мной счастья?

Одна крепкая, синеглазая ирландка с черными волосами и большими руками задумчиво поглядела на него и ответила:

— Я согласна. Пойду за тебя.

Она перелезла через поручни, и он подхватил ее на пристани, взял ее узелок с вещами, положил руку ей на плечо, и они вместе пошли прочь.

Отец был младшим из четверых детей и унаследовал ирландский темперамент своей матери.

— Когда я был мальчишкой, — как-то рассказал мне он, — я угодил одному погонщику по голове колючей дыней, а ведь это опасное растение — если сок попадет в глаза, можно и ослепнуть. Ну, парень, конечно, рассвирепел и погнался за мной с дубиной. Я бросился к нашей хижине с воплем: «Мама!» Парень был вне себя от злости, зуб даю! Возле хижины он меня едва не настиг, но мама все видела и поджидала нас у двери, держа в руках котелок с крутым кипятком. «Назад, — крикнула она. — У меня тут кипяток. Только посмей подойти ближе, и я выплесну его тебе прямо в лицо». Это его, черт подери, остановило. Я вцепился в ее юбку, а она спокойно стояла и смотрела на парня, пока тот не убрался восвояси.

В двенадцать лет отец уже сам зарабатывал себе на жизнь. Все его образование сводилось к нескольким месяцам обучения с учителем-пьянчугой, кото-

рому дети, посещавшие дощатую лачужку, служившую школой, платили полкроны в неделю.

Начав работать, отец переходил с фермы на ферму, объезжая лошадей или перегоняя гурты. Отрочество и раннюю молодость он провел в глуши Нового Южного Уэльса и Квинсленда, которые потом являлись неисчерпаемой темой всех его бесконечных историй. Именно благодаря его рассказам солончаковые равнины и красные песчаные дюны этих диких краев были мне ближе, чем зеленые леса и поля, среди которых я родился и рос.

— Знаешь, есть что-то особенное в этих глухих местах, — как-то сказал он мне. — Там чувствуешь какое-то ни с чем не сравнимое удовлетворение. Заберешься на поросшую сосняком гору, разведешь костер...

Он замолчал и окинул меня беспокойным взглядом. А потом сказал:

— Надо будет что-нибудь придумать, чтобы там, в глуши, твои костыли не увязали в песке. Да, когда-нибудь мы с тобой обязательно туда доберемся.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вскоре после того как меня парализовало, мышцы в ногах начали усыхать, а спина, прежде прямая и крепкая, искривилась. Подколенные сухожилия затвердели и так стянули мне ноги, что те согнулись в коленях, и их уже невозможно было разогнуть.